

*Живым и мёртвым,
выстоявшим в боях
с нацистской нечистью.
как в 1941, так и в 2014,
ПОСВЯЩАЕТСЯ...*

ОСАДА

*стихи луганских поэтов, написанные
кровью, под снарядами «Градов»...*

Составитель Любава

Луганск-2014

ББК 84(4Укр4Луг)6
УДК 82 (477.61)
0-72

Это не просто стихи. Это стихи поэтов блокадного Луганска. Поэтов, остававшихся в городе, в самое тяжелое, самое невыносимое время!

Поэтов, разделивших, с ним свою судьбу, испытавших себя на прочность, под снарядами. Когда не было воды, света, связи, когда не хватало еды, когда каждая их строчка могла оборваться посередине...

Когда смерть, прикасалась холодной рукой, пытаюсь не дать дописать мысль: - рождались стихи о жизни. С верой и надеждой на лучшее.

Наверное, нам повезло. Не только остаться живыми, но и еще раз, родиться, для новой жизни - как людям и как поэтам..

P.S. Может быть, историки, в своих поисках истины об этой войне, найдут для себя, здесь очень важное...

Составитель: Любава
Член Международного союза писателей
«Новый Современник»
Член Луганского отделения Межрегионального Союза
писателей

Луганск 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог.....	4
Марк Некрасовский	7
Любава.....	12
Ирина Росницкая	17
Андрей Медведенко.....	21
Виктория Мирошниченко.....	24
Сергей Кащенко.....	31
Елена Заславская.....	34
Светлана Тишкина.....	38
Сергей Серебряков.....	43
Владимир Панченко.....	46
Сергей Южный.....	47
Александр Акентьев.....	50
Александра Фрольченкова.....	53
Лариса Бекрешева.....	54
Виктория Федоровская.....	58
Сергей Зарвовский.....	59
Послесловие	71

*...С каждым взрывом улетают души,
Над Луганском собираясь в стаи...
- Тише, мир! - Не смей покой их рушить!
Стань, Планета, в праведном молчаньи!*

Это, страшное лето 2014 года...

- А мы верили, что война не случится! Мы верили всем Сердцем и Душой! Мы верили так отчаянно и упорно, что сама война в ужасе вздрогнула над Луганском. Полыхнула жутким пламенем, задрожала раненым ястребом и покинула город...

Блокадные поэты... Какая судьба оставила нас здесь? Какая доля? Выживать и... жить одновременно!?

Выживать, под взрывами мин и летящими снарядами, тарабарщиной безжалостных минометов, зловещим светом «Градов» - над погрузившимся в темноту и, казалось, уже навечно, городом.

Мы, как все, ходили по воду за полтора-два километра, и отстаивали по несколько часов в очереди... И, порой, возвращались ни с чем. Мы жили без воды и света, без какой-либо связи. Мы не плакали. Это паляще-жаркое лето высушило наши слезы.

Дождь... это настоящее волшебство! Был дважды за лето. И мы, молясь и благословляя подарок небес, набирали воду из водостоков и луж, мысленно выпрашивая прощения у замученных жаждой собак и голубей...

А еще и шутили: «Да что за нас переживать? Вот, мы идем по своим делам, а снаряд летит по своим делам. И нет нам дела друг до друга»...

Но, главное, мы писали! Ночью при свече, в основном. Днем было много работы. И водой запастись хоть на сутки, и хлеб искать по городу, и многое другое. А еще мы готовили еду на улице, на костре. Иногда везло зайти в дома, в которых был газ, хоть и слабенький. И нас пускали приготовить.

Мы писали по ночам, вглядываясь в зарево пожарищ, втягивая голову в плечи от грохота взрывов, глотая горькие

дымы, пылающего города... Мы привыкали. Выживать и просто жить.

Мы, такие как все. Но нам Бог дал Слово! И мы особенно отчетливо понимали, что дал он его нам не зря. Что он нам его ДОВЕРИЛ. А еще, нам он доверил Луганск!

Луганское лето 2014 года умирало у нас на глазах... Его расстреливали в упор. Проклятие убийцам! Они убили каникулы наших детей и внуков...

Луганск...

Луганск...

Луганск!

Как набат на весь мир! В твоих глазах отразилась Смерть! Кровавые побоища... звериные лики нелюдей. Кто их звал к нам?

Луганск, ты пережил Ад! А мы остались с тобой, чтобы Словом поддержать тебя! Чтобы разделить с тобой и свою Судьбу! И как это все происходило, как мы выдержали — известно только Богу. Нам же самим неведомо. Но, мы не могли иначе!

Просто мы, оставшиеся и пишущие - с Луганском едины...

Мы пишем по-разному, мы чувствуем по-разному. Но больно и страшно нам одинаково! И меньше всего мы хотели бы, чтоб нас называли героями! Мы боялись, как все! А может больше...

Луганск! Мы верим в наше с тобой будущее!

Я сама украинка! Я пишу не только на русском, но и на украинском языке. Я люблю свою Украину! Я люблю ее до остановки дыхания, до дрожи в коленях, до крика отчаяния и счастья! И мне больно от того, что сейчас происходит! В чьих руках моя Украина, моя Судьба, моя Доля?!

И поэтому, никто не посмеет меня и тех, кто рядом со мной, упрекнуть в том, что мы предали Украину!

Разве можно назвать предательством то, что сыны и дочери Луганска закрывают свою землю, лучшую часть Украины: - грудью, сердцем, ладонями, жизнями, своей неистовой любовью и верностью?!

Чистым и истинным правом — жить на ней и защищать ее!

Луганск! Держись!

Там, где живы поэты и смеют писать, там нет смерти!!!

P.S. Я боялась выставить фотографии разрушенного, пылающего Луганска... я не в силах была это сделать.

Мне всегда будет страшно. Потому что я была там. Я искала воду и хлеб в этом крошечном аду. А, дома, на 10-м этаже, меня ждал, прикованный к постели муж... И я должна была дойти.

Но, фото, все же, будут! Фото Сергея и Виктора Зарвовских, которые шли по лезвию Жизни и Смерти, когда каждый их снимок, как и стих, могли оказаться последними...

Любава

ВОЙНА

День был такой погожий -
Не умирать бы, а жить.
Телом своим прохожий
Младенца успел закрыть.

Плотью своей и кожей
Осколки сумел сдержать.
День был такой погожий -
Не хочется умирать.

Миной лежит убитый.
Рядом убитая мать.
С властью теперь вы квиты –
Не будете бунтовать.

Нас не поймёт европеец –
Что же мы за страна?
Надрывно плачет младенец.
Жизнь его спасена.

НАЦГВАРДИЯ- 1

Ты нам ответил: «Я вам всем не брат».
И на людей ты навёл автомат.
Бронежилет, боевые патроны:
—Ты защищаешь нацистов законы.
Ты нам не брат, ты, конечно не брат.
Что же, ты выбрал, я этому рад.
Эта земля для тебя не родная.
Будет страдать твоя мама, стена.
Ты не вернёшься, ты сгинешь, солдат.
Ты на людей свой навёл автомат.
Мозг твой и сердце в нацистской отраве.
Ты вне закона, себя сам поставил.

Ты вне закона, ведь ты оккупант.
Ты ненавидишь Георгия бант.

НАЦГВАРДИЯ 2

Вас записали в дезертиры.
И хоронили безымянно.
Сулили ж блага и квартиры,
И вы за них сражались рьяно.

Семья осталась без кормильца.
И плачут матери и вдовы.
В парламенте всё те же лица.
И красть они всегда готовы.

Когда нацизм всего превыше,
Кто рядовых бойцов считает?
Съезжает у народа крыша,
И сам себя он убивает.

* * *

Когда осядет пыль из-под сапог,
Когда оружие сдадут на склады,
Когда вдруг станет, милосердным Бог,
Когда гостям незваным будут рады,

Когда долги научимся прощать,
И драки не устраивая спорить,
Когда не будем красть и обещать,
И станет близким нам чужое горе,

Когда не будет брошенных детей,
И старики не будут без опоры,
И власть не будет обижать людей,
И рухнут высочайшие заборы,

Когда не будет во спасенье лжи,
Когда предателей всё сгинет племя,
И государств исчезнут рубежи,
Как я хотел пожить бы в это время!

* * *

Бог вчера покинул этот город,
Горько плачет в подворотне ветер.
Бог вчера покинул этот город,
Но никто ухода не заметил.

Бог вчера покинул этот город,
Крик мой эхом отражают крыши.
Бог вчера покинул этот город,
Но никто, никто меня не слышит.

Бог уходит, если нету веры,
Если нет надежды на спасенье,
Если злоба больше крайней меры,
И не верят люди в воскресенье.

Бог вчера покинул этот город,
Но никто ухода не заметил.
Бог вчера покинул этот город,
Но вернётся. Есть надежда. Дети.

ПОХОД ЗА ВОДОЙ

Мины свист, и все застыли дружно,
Словно смерть нам прокричала – «Хальт!»
Каждый знал: стоять совсем не нужно,
Но один я рухнул на асфальт.

Взрыв – и птицами летят осколки,
Мёртвых отделяя от живых.
Девушку узнал я по заколке
И не смог я опознать других.

Крепко бутылки обняв руками,
К маме прибежал домой с водой.
Мама с изумлёнными глазами:
«Ты ж, сыночек, стал совсем седой...»

* * *

Жизнь, прицельным огнём распятая,
Каждый дом изувечен миной.
Перестала быть Хрящеватое,
После этого Украиной!

Украиной, в которой Бандере
Весь почёт, вся любовь и вся слава,
Украиной, в чьей пламенной вере
Лишь нацизма бродит отравя.

Я не верю, что это традиция:
Вновь нацизмом расколота нация.
Что б запели Вольнь и Галиция,
Если б их разнесла авиация?!

Твердил я, с тобою споря:
Войну нельзя начинать.
Война – всегда чьё-то горе,
Война – убитая мать.

Но ты надо мной смеялся:
Сила всего превыше!
Надо, чтоб «хам» испугался.
Пусть бомбят его крыши...

И власть осадила город.
Его превратив в руины.
В городе начался голод –
Реалии Украины.

А мина – слепая сила.
И может лишь убивать.
Осколком отца убило,
В клочья разорвана мать.

«Я же поддерживал власти!!!» –
Кричал ты, сжав кулаки.
Да. Нет страшнее напасти,
Чем злобные дураки.

* * *

Ни дома, ни жены, ни сына.
Крепись, шахтёр.
Ты для «свидомой» Украины –
«Москаль» и вор.

Имел ты статус дармоеда –
Дотаций ждёшь.
Но без тебя вся их победа
Не стоит грош.

Но без тебя для них закрыта
В Европу дверь.
Вот почему семья убита.
Гоним, как зверь.

Но кто насильно будет милым?
И пуст забой.
Донбасс врагам раздаст могилы.
Шахтёры, в бой!

ХУНТОВСКОЙ «СТОЛИЦЕ»

Не столица ты нам, не столица!
Хватит, вороном черным кружиться,
То двулика, то трехлика,
Для Луганщины ты безлика.

Ты не Родина нам, ты не Родина
В то, что верили мы - это пройдено
Ты когда-то была красавицей
Нынче ж, Дьяволом ты избранница...!

Мы когда-то тебе верили
Мы ж, гордились тобой... распроклятая!
...Мы же жизнь по тебе, мерили!
А теперь, мы тобой распятые!

За Донбасс, как ответишь, во Времени?
Как пред Богом сумеешь раскаяться?
Не достойна ты нашего племени
И в Аду тебе, вечно маяться...

Не столица ты нам... не столица!

НЕМА УКРАЇНИ...

Нема України, нема вже Хрещатика,
Майдану немає такого, як був...
Лишь біль, що навіки в нас буде палати,
Що гарний був Київ... ой був, та «загуб».

Не скажуть спасибі, ніколи, нащадки.
Чи ж вернеться в Київ все те, що було...
Не змиється кров, вже ніколи, з брущатки
Ніколи... ніколи... аж серце звело...

ВЫ ВЕРНЕТЕСЬ...

*Детушкам моим: Ирине, Галине, Валерику,
Славику, Сергею, Елене, Дианке, Дениске,
Серезжке, Виктории...*

Вы вернетесь в наш дом,
Вы вернетесь когда-то, любимые,
Вы войдете в открытую дверь
И в открытую душу мою...

Я дождусь вас, дождусь,
Мои светлые, чистые, милые...
Мои доченьки, сына,
Невестушка, внуки, зятя...

Разметала война,
Разметала по свету, проклятая!
Отняла то, что дорого мне
Больше жизни моей...

Я на этой войне
Кем-то, Боже, распятая
До конца своих дней,
До конца своих дней...

ХОЛОДНО – ЖАРКОЕ ЛЕТО 2014

(а я все равно верила)

В Луганске столько теплоты,
Но, вперемешку с алой кровью,
Цветут по городу цветы,
Дождем политы и любовью.

И под бомбежкой цветы...
И густо ласточки летают...
А солнце греет с высоты,
Я верю, мир нам обещает...

Я верю в то, что все пройдет...
Что Соломон, конечно, прав,
Войны проклятой сгинет лед,
Убийц, как грешников, поправ...

Я знаю, будет снова мир...
Не знаю, сколько будет слез...
Но соберемся мы на пир,
Задав вопрос... задав вопрос:

- Неужто кончилась война?
Неужто гром, не канонада?
Неужто вновь пришла весна...
Любовь нам скажет: спать не надо!

И жарких пламенных ночей
Придут мгновения шальные,
И нежность любящих очей,
Такие милые, родные...

Не зря уже цветут цветы,
Презревши гордо канонады...
Не зря так много теплоты
В глазах людей, в их светлых взглядах.

Я знаю, будет снова мир...

СОН ВО СНЕ...

...Сегодня ночью сердце билось.
Так вырывалось! Так кричало!
Ведь мне опять война приснилась...
Луганск на части разрывала.

Сиреной раненой кричали,
Дома и улицы родные,
На сердце кровью размечая
Часы, минуточки златые...

А мне опять война приснилась...
А я кричу, хочу проснуться!
Не дожидая ж, часы земные!
Блаженства не смогла коснуться...

Кричит душа! Пишу стихи !
Я на коленях перед Богом:
Всевышний – мне прости грехи...
Позволь платить мне чистым слогом...

ЭТО БУДЕТ!!!

(вздрагивая от взрывов, я знала...).

Голуби. Дети. Луганск.
Солнце. Весна. И любовь!
Мирный на страже танк.
Счастье вернулось вновь.

Солнышко, город в цветах.
Нежностью бредит юность.
В небе крылатый птах.
Первой любви хрупкость.

Детский счастливейший смех.
Зелени летней дурман.
В парке зацвел орех -
Летних ночей смуглян...

Голуби. Дети. Луганск.
Солнце. Весна. И любовь!
Мирный на страже танк.
Счастье приходит вновь.

ВЫСТОЯТЬ ВЫДЕРЖАТЬ!!!

Выстоять, выдержать: сердце расколото,
Над горизонтом дымы да дымы...
Смерть полыхнула, в оскале, над городом
Школа взлетела в другие миры...

Люди, как яблоки с яблони - падают.
Косят снаряды людские ряды.
Плачет ребенок: – Мама, не надо,
Мама, не надо, не надо, войны! -

Выстоять, выдержать, память расколота
С этой секунды, уже навсегда.
Душ обгоревших червонное золото
Не разменять. Никому! Никогда!

ЗАКЛИК

Україно моя, знедолена,
Україно моя, розколена:-
Між братами зламала мости:
- Поколовши, їх всі, на хрести....

У сестри відняла ти брата.
А у матері, рідну хату.
Ти спаплюжила гарну мову,
Ти забула, про Боже Слово.

Україно моя знедолена,
Твоя совість навпіл розколена...,
Україно моя, схаменись!
Стрепенись! До людей повернись!

МАРШ ГОЛЫХ МАТЕРЕЙ.

*У вас есть сыновья призывного возраста?
Тогда мы идём к ВАМ!*

Гляди! Этой грудью вскормила я сына,
А в этом вот чреве его я носила!
Так будь же неладна такая «країна»,
За то, что сынов нам ты не сохранила!
Твоё ястребьё снова клювища точит.
Чего даже нет - напридумает сходу.
Никто сердце матери видеть не хочет.
Смотрите! Я грудь открываю народу...
Уж лучше б сховался... Иль взял - и уехал,
В ответ мне, сынок: - Значит так, мама, надо...-
Война – это смерть, а совсем не потеха,
Грязь, вонь и раненья... Бои - не парады.
Ну, разве на свете хоть что-нибудь стоит,
Чтоб жизнь проклиная, я выла за гробом?!
Но, видимо, сердце «країны» - пустое,
В башке тараканы, дырьё и микробы.
Таращатся в НАТО, плюются на «Рашку»,
Лицо подновив и поправив причёску...
Я рву на груди – будто душу – рубашку!
Ещё вышиванку.... Уже малоросску...

КОШКЕ, ПУСЬКЕ

Слушай, Пуська, теперь – война!
Ты же кошка, должна понять:
Чтобы выжить – еда нужна
Для тебя, да и для меня.
Привередничать – не с руки.
И не нюхай, а ешь, что есть.
Есть голодные мужики,
Для которых и каша – честь.

Всё закончится, я куплю
Тебе «вискас» и «китекет»...
Всё равно я тебя люблю!
Хоть кошачьих припасов – нет.
Постный борщ ты не хочешь... Что ж,
Я сама бы не прочь мяска.
Может песню ты мне споёшь
И на время уйдёт тоска?
А в подвалы твои – потом –
Может вместе мы побежим...
Это залпы гремят, не гром...
Ну, военный у нас режим.
Ночью высунуться – ни-ни...
Наступлю на хвост в темноте.
Ты, хвостатая, извини,
Времена нынче, нет, не те...
Есть в тебе и Сибирь, и Сиам,
Да и местные наши места...
Где сегодня спрятаться нам?
... Вот, и миска твоя пуста.
Не лижи мне руку, пусти!
Я не брошу! Возьму с собой!
Уси-пуси... Меня прости,
И мурчальную песню спой...

НА РУСЬ: - НАУСЬКИВАНИЕ

И в диких кошмарах не виделось,
В юродствах-уродствах не значилось...
Когда оперилась и выперлась,
И свастикой мразь обозначилась?!
За чьими глазами и спинами?
Я – в шоке! Столблю и дурею -
С Россией одной половиною,
Другой – с Украиной моею.
Не надо! За что?! ЧТО вы сделали,

Ещё вы недопонимаете!
Русь – разная: крайняя, белая,
Сибирская иже... Святая, ведь!
Зачем вы клянёте-порочите,
Курочите, врёте с надрывом,
И дротом наточенным прочите
Делить – ТО, что НЕРАЗДЕЛИМО!
Пытаюсь язык свой прикусывать.
Но вопль вырастает из горла!
Мы – Русь!!! Не российские, РУССКИЕ!
Чего же сюда вас поперло?

* * *

И что такого сделала вам я,
Чтоб так меня хулить и ненавидеть?
Прошу по-русски: сатана, изыди...
Любовью божьей держится семья!
Сестра моя, скажу по старшинству:
- Пойми меня, и в рай чужой не суйся...
Не обманись! И, Господи Иисусе,
На эшафот не преклони главу!
Не понимают люди, что творят!
И я – прошу! Я не таких прощала.
Я старшей быть навеки обещала!
Пусть что угодно люди говорят!
Сестра моя, очнись! Глаза в глаза:
Ты – от меня?! – «свободы» захотела?
И лишь затем, клеветешь оголтело,
Чтоб правды ненароком не сказать?!
А правда в том, что мы с тобой – родня!
И по живому резать – это больно...
Ты «вільной» стала от меня невольно.
Но ведь защита и надёжа – я!!!
Коль приползёшь, рыдая, — я приму!
Я – старшая. И, значит, больше знаю.
И, слава богу, не в дыму в Крыму -

Андреевским, как прежде, поднимаюсь.
Всё утрясётся. Не бойсь, сестра.
Мои глаза – зеркальные озёра...
Сотри же шлэйф майданского позора
У нашего славянского костра...

* * *

*«Три полосы, как шрамы от трезубца
мне старый куст оставил на щеке...»*

Г. Сусуев

Упала Русь у края, возле моря.
Дажьбог с Перуном, как огонь и дождь.
На то князья, друг с дружкой, чтобы вздорить, —
Не я тебе, так ты мне «фейс» набьёшь.
До гопака, хоть гопаньки, — далече.
Трезубец – не гарпун, но вилы в бок.
Дорвался княжить — голову на плечи,
А не кочан, не чайник. Что, слабо?
Украдкой укради времён развязку.
Сильвестр иль Нестор, выбривай хохлы!
И временную летопись из связки,
Растаскивайте в разные углы!
Мы – жили-были, а теперь – отдельно
Кто жил, кто был, кто вороньём кружил,
Кто вдрызг - ударом поражён смертельным,
И на трезуб наматыванье жил.
Упала Русь. Распалась на уделы.
Ремейки. Бандуристы. Гуслияры.
И ничего, Перуне, не поделать.
И нечем даже, Даждебоже, крыть.
И меж собой, устраивая распри,
Традиции истории блюдём,
На свете белом проживаем наспех
С очередным, припадочным, вождём.

КОЩУНСТВО

О Боже!..
Нет кощунственной подянки,
Чем освящать воинственный разор.
Святой отец благословляет танки
На человекобойню и позор!

Мужи стоят. Довольные. Всё просто –
Польётся прибыль вскорости рекой.
А я молю:
– О, Господи Святой,
Взрывчаткой начини меня такой,
Чтобы от них остался только остов!

МГНОВЕНИЕ ВОЙНЫ

Стороной прошёл жестокий бой.
Но я вижу...
как это не странно:
Баянист оторванной рукой
Судорожно сжал басы баяна.
Превратилось сердце парня в прах.
Только слышат... слышат мои уши,
Как хрипит в разорванных мехах:
«Выходила на берег Катюша!..».

ЛЕТО 2014 ГОДА

Кажется, от горя воздух звонок.
Полымя окутало мой край.
Над убитой женщиной ребёнок
Горько плачет: – Мамочка, вставай!

Но она совсем его не слышит.
Больше ей кровинку не обнять.
Только ветер волосы колышет.
Будто тоже просит её встать.

Эх ты, укр-наводчик!..
Семя злое!
С кем же ты собрался воевать?!
Смерть навёл на самое святое – МАТЬ!

* * *

Опять с уродливым лицом
Эпоха новой ищет правды.
И, как когда-то над отцом,
Так надо мной свистят снаряды.

И, где погуще толчея,
Там люди падают, как злаки.
И по убитым плачу я,
Как мой отец когда-то плакал.

И фронтовых хватив «сто грамм»,
Он вспоминал бои в Карпатах.
Казался воином я сам,
Надев пиджак в его наградах.

Ничто не ново под луной.
Опять бои – стена на стену.
И ордена отца со мной.
Но им теперь я знаю цену.

* * *

Восторгаться сердцу не прикажешь.
Увидал – и бросила в тоску:
Девушка в зелёном камуфляже
С пистолетом грозным на боку.

Вся она, что взрывчатая сила.
С БэТээРа прыгнула, пошла.
Что-то у прохожего спросила,
Откровенным взглядом обожгла.

Мысли потекли совсем иные –
Не о страшной битве впереди.
Ведь со всей Вселенной позывные
У неё сомкнулись на груди.

Не разрушат дух упорный беды.
Будут мир, и радость, и покой.
Я кричу: – Да здравствует победа
Красоты над яростью людской!

ИНТЕРБРИГАДОВЕЦ

Чернокожий. Красочного роста.
С выправкой военной и в тельняшке.
С танка спрыгнул весело и просто.
Звёздочка блеснула на фуражке.

Океаны одолев и реки,
Чтоб хоть чуть уменьшилась беда,
Из Латинской прибыл он Америки
Защищать Республику Труда.

Воевать с нечистой силой грозною,
Утверждая Правды монолит.
В брызгах солнца кажется он бронзовым –
Прикоснись - и тут же зазвенит!

Впереди ревуший вихрь пожара.
Ну а стяг Свободы – за спиной.
Кажется, что это Че Гевара
Или, может, Кастро молодой.

По всему – не робкого десятка.
Шрамом перекошенная бровь.
Хоть и негр – корчагинская хватка
С удалью кипучей бродят в нём!

Виктория Мирошниченко

* * *

Летний день... Самолет посылает смертельный заряд...
Убивать Донбасс оказалось предельно просто.
В этот год, точно так же, как тысячи лет подряд,
Зачеркнул бесхитростный мир войны перекресток.
Сытый Киев пил пиво и ждал горячей воды,
В запыленных чуланах упрятав совесть на полки,
Чтоб не слышать, как взрывы жизнь превращают в дым,
Не смотреть, как горят дома, как ранят осколки.
Госпожа Европа! Рассудок побереги:
Собираешь фашизму корм и готовишь ложе,
Но когда ты станешь лизать ему сапоги,
Не боишься изведать вкус человеческой кожи?!

* * *

Тише! Дети Донбасса читают стихи о войне:
О снарядах и взрывах, потерях, страданиях, подвалах,
Об испытанной боли, доселе еще небывалой,
О взрослении своем, не осознанном ими вполне.
Это – дети земли, что внезапно ушла из-под ног...
Были б сыты, здоровы... Да что там? Не хлебом единым...
Не могу осознать, как осмелилась ты, Украина,
Занести над Донбассом моим беспощадный сапог?!
Все, кто подняли руку на детство – виновны вдвойне.
Им уже никогда не отмыть загрязненные души.
Их удел предрешен – им бессрочно назначено слушать,
Как погибшие дети читают стихи о войне.

* * *

Зло необъявленной войны сошло с небес -
Стоит обугленный Донбасс, как черный лес.
В лесу том горьком не стволы сжигает зной -
Сердца погибших сыновей земли родной.

Вросли корнями в землю дедов и отцов –
Шахтеров, пахарей, строителей, творцов,
А души их ветвями в небесах сплелись,
Всех не рожденных сыновей вздымая ввысь.
И эта гордая мужская красота
Сошла в Донбасс с того библейского креста...
Весной омоет пепелище слез поток –
Неосторожно вспыхнет первенец-листок,
Из ран измученной растерзанной земли
Восстанут травы, заструятся ковыли...
И лишь ночами нас тревожить будут сны –
Воспоминая необъявленной войны...

* * *

Мы пили вино войны,
Настоянное на боли.
Оно отбирало сны,
Оно убивало волю.
Прижизненный Страшный Суд...
Смертельным огненным душем
Пролился войны абсурд,
Увеча тела и души.
Мы выстояли с тобой,
Спасали любовь и вера,
И дружба - самой судьбой
Отпущенная без меры.
И жизнь сохранив в горсти,
Дыханием грея нашим,
Мы после – Господь простит –
Из мирной пригубим чаши.

* * *

Ночь. Сожжена последняя свеча,
Храпят за тонкой стенкой оккупанты...
А балерина встала на пуанты:
Вся – лепесток на стебельке луча.

В слой пепла обратились города,
Не отыскать в них ни воды, ни хлеба...
Слепой художник пишет кистью небо,
Которого не видел никогда.
Напялив безобидности парик,
Терзают мир правители-уроды...
А старый доктор принимает роды,
Готов и жизнь отдать за первый крик.
Состав смертей покинул свой вокзал,
Промчалась гибель под секретным грифом...
Смычок порхает над точеным грифом,
И брызжут ноты, словно слезы, в зал.
Ползет войны безжалостный удав,
Оставив разрушенья и потери...
Пещерный человек рисует зверя,
Творцом себя впервые осознав.

* * *

А знаешь – игры с огнем
В душе поселяют холод.
Я помню, как день за днем
Война разбивала город.
Как без рекламных афиш
Сверкало шоу пожаров,
Под хруст проломленных крыш
И вздыбленных тротуаров.
А свист пролетавших мин
Был так ощутимо звонок,
Пылали костры машин
И свечи бензоколонок.
Посланниками беды
Снаряды кромсали небо,
А город просил воды,
Немного воды и хлеба...
Оглухший, слепой, немой,
Он выжил в неравной битве.

Его укутал собой
Невидимый плащ молитвы.
Теперь – не могильный склеп
Для заживо погребенных,
А – город, что встал, окреп,
Народом своим спасенный.

* * *

Вновь факелы важнее фонарей,
Нацистский марш ад величает раем,
И бабочкою небо замирает
На иглах труб земных концлагерей...
Безумие сраженья горячо,
Вой смерти разрывает мозг и уши,
И, чтоб подставить мужеству плечо,
Встают на ТОЙ ВОЙНЕ погибших души!
Они встают из пепла и воды,
Из праха, пыли, небыли и были.
Они уже однажды победили,
Мир защитив собою от беды.
Несметною когортою всерьез
Они идут от мала до велика...
Сама Земля из их костей и крика,
Из крови, пота, помыслов и слез.
И им уже противиться нельзя,
Осталось, силу доброты приема,
Понять, что лишь любовь вращает Землю,
А ненависть и злоба тормозят.

* * *

Это нужно заслужить – родиться русским.
На земле родиться, названной Россия,
Чтобы выдержать наследия нагрузку,
И понять, что лишь в народе – смысл и сила.
Параллельная реальность – нет, не слухи –

Люди преданы и проданы отчизной,
Поголовно от ребенка до старухи,
Обвиненные в грехе сепаратизма.
Мы не сможем дотянуться до России,
Но не станем в беглой фразе междометьем...
Вот сумеет ли вернуть нас чья-то сила
В Украину двадцать первого столетья?
Знайте те, кто превратив нас в отщепенцев,
Утверждает на планете дух фашизма,
У рожденных на моей земле младенцев –
Генетический набор сепаратизма!

* * *

Война вошла в наш немудреный мир,
Как острый нож в подтаявшее масло,
Вмиг превратив в бесформенную массу
Житейских полюсов ориентир.
Вошла к больным и тем, кто был здоров,
К святым, и откровенным негодьям,
Чтоб у животных отобрать хозяев,
А у людей – спокойствие и кров.
Она детей лишила детских снов,
А стариков – их радостей немногих.
Вошла, ругнувшись грязно на пороге,
Не зная человеческих чувств и слов.
Мы выстоим под артобстрелом зла,
Преодолев безумье убивавших,
И, слезы утерев, помянем павших,
Собравшись у победного стола.

* * *

Донбасс пылает, ошалев от жажды,
Крестами оцетинилась земля...
Теряю разум я – распят на каждом,
Присохшим языком не шевеля.
В который раз – страдания и боль,

Который век схожу с ума от боли...
Безмерная Отцовская любовь!
Прими и отпусти меня на волю.
Со мною – этих стариков, детей,
Простых людей обычного народа,
Сметенных злою волей – не Твоей! –
На улицах, в домах, на переходах.
В лицо войне проклятие летит
Аккордом поминального обряда...
Земля невинной крови не простит.
Убийцам места нет с Тобю рядом.

* * *

Люди, пережившие войну,
Став немного сдержанней и строже,
Ощувив ее дыханье кожей,
Долго не поверят в тишину.
Люди, пережившие войну,
Думая, что сделались добрее,
Как-то вдруг внезапно постарели,
Надорвав своей души струну.
Люди, пережившие войну,
Всякого, бесспорно, повидали...
Ничего... Вот только нервы сдали,
Побывав у паники в плену.
Люди, пережившие войну,
Обозначив жизнь свою пунктиром,
Каждый день у Бога просят мира,
Чтоб увидеть новую весну.
На пути в счастливую страну,
Оплатив проезд своею кровью,
С верою, надеждой и любовью
Люди, пережившие войну.

* * *

Мы пережили войну
Скромненько, без размаха.
Хрупкую тишину
Комкали пальцы страха.
Мы повидали всего –
Полуразбитый город,
Зверства своих врагов,
Взрывы, блокадный голод,
Души погибших детей,
Мчющиеся на небо,
Слезы своих матерей
В очереди за хлебом;
Вырвавшуюся смерть,
Вставшую на пороге;
Горестей круговерть,
В крике воздушной тревоги...
В лютый июльский зной
Било ознобом стужи,
Скалился за спиной
Липкий животный ужас.
Скотч на окнах – крестом –
След той, защиты убогой...
«Выжить бы... Все – потом!» –
Мы умоляли Бога.
Буднично, день за днем:
Верили и дружили...
Может, когда-то пойдем,
Что мы, в войну пережили.

* * *

В сердце – от горя и боли усталом –
На совести, жарких поленьях,
Вдруг отливается звонким металлом:
Сопротивленье, сопротивленье!
Язык – наждаком по сухому небу,
От жажды доходишь до иступленья,
Но мы не позволим нас сделать амебами!
...Сопротивленье, сопротивленье.
Пусть голодаем, пусть труден наш путь,
Но, отмечая сомненья,
Вдыхаем свободу на полную грудь,
А выдыхаем, сопротивленье!

* * *

В груди развалин, пыли и щебенке
Лежал медвежонок – игрушка ребенка.
Лежал сиротливо с оторванной лапой,
Кровью хозяйки, обильно заляпан.
Ночью бессонной в кровати устало
Его своим телом от бомбы спасала...
Что же творим мы, сучьи дети,
Что позволяем разбой на планете?
Где же казацкая наша закваска?
Стелемся всюду болотную ряской
И предаем своих братьев по вере.
Кто же нам после сможет поверить?
Смотрим завистливо, жадно и гадко –
Что у соседа припрятано в кадке?
Любят холопы, болтать про свободу,
Но дуют при том на холодную воду.
Свобода не ляжет подарком к ногам,
Нам долго бродить по пескам и горам,
Выдавливает яд, что копился веками,

Отплевывать рабство смачными плевками...
Лишь тот, кто претерпит духовные роды,
Достоин свободы. Достоин свободы!

* * *

Молчит Пророк, все зная наперед,
Он видит поругание Отчизны.
Бездонный взгляд страданьем выдает
Свидетеля еще грядущей тризны.

Молчит Пророк, сжимая посох свой,
Лишь на лице все глубже, глубже складки...
Он вел борьбу с трагической судьбой:
Клеймил царя и обличал порядки.

Он будоражил совесть, бил в набат,
Молил народ не забывать о Боге.
Он честен был и этим виноват.
Теперь сидит на камне у дороги...

И на губах молчания печать,
Повинностью наложенная свыше, —
Не потому, что нечего сказать,
А потому, что некому услышать.

* * *

На лице — отчужденья тень,
Горькой тоски истома...
Ей бы вернуть, вернуть тот день,
Когда он ушел из дома.
В этот день роковой весны,
До того, как прорвалось лихо,
Сын ушел, как уходят сны.
Он ушел на рассвете. Тихо...
На столе — недопитый чай,
И записка: «Не грусти, мама.

Без меня ничего не включай.
Я вернусь, разберусь с хламом».
Так когда-то ушел и дед.
Они с внуком во многом схожи:
Их роднит горький пот побед
И щека на прикладном ложе
Ну а матери надо ждать,
Замолить, отвести лихо.
Как подарок, как благодать
Сын придет на рассвете. Тихо...

* * *

Киоски ранеными бойцами
Чернеют в жару и стужу,
С распоротыми телами
И внутренностями наружу.

* * *

Люди стоят за крупой и консервами,
Падают в обморок от истощения,
А провода перебитыми нервами,
Свисая, звенят о мщении.

* * *

Дом, где жили старики и внуки,
Когда час тревожный настал,
Деревья закрыли, раскинув руки,
В себя принимая металл.

ЧЕРНЫЙ ХЛЕБ

Долго не было беды. Долго.
Долго не было войны. Долго.
Успели дети подрасти,
Успели внуки подрасти,
А правнуки пока что не успели.
И сын сказал: "Я ухожу. Прости".
И внук сказал: "Я тоже. Отпусти".
И правнуки заметно повзрослели.
И снова кровь горячая лилась.
И Родина кроилась и рвалась.
И брат на брата шел, а друг — на друга.
И стало черным молоко в сосцах.
И стала черной кровь в людских сердцах,
Как антрацит — наш краснодонский уголь.
Последний пласт. Из недоступных недр.
Наверх. Из самой преисподней.
История желает перемен
И крутит, крутит, крутит черный жернов.
Мы стали черным хлебом на войне,
А были... были золотые зерна.

ЭТО РУССКИЕ

Эти русские мальчики не меняются:
Война, революция, русская рулетка.
Умереть, пока не успел состариться,
В девятнадцатом, двадцатом,
двадцать первом веке.

Эти русские девочки не меняются:
Жена декабриста, сестра милосердия.
Любить и спасать,
пока сердце в груди трепыхается

В девятнадцатом, двадцатом,
двадцать первом веке.

Ты же мой русский мальчик:
Война, ополчение, умереть за Отечество.
Ничего не меняется,
Ничего не меняется.
Бесы скачут,
А ангелы ждут на пороге вечности.

Я твоя русская девочка:
Красный крест, белый бинт, чистый спирт.
В мясорубке расчеловечивания
Будет щит тебе
Из моих молитв.

А весна наступает. Цветущие яблони
Поют о жизни, презревшей тлен,
Так, будто они — православные,
Русские и после молитвы встают с колен.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ВОЙНЫ

(пачка писем другу для поднятия боевого духа)

*На свете счастья нет. А есть покой и воля.
А. С. Пушкин*

* * *

Окопная строка, в которую вписали
Солдат, как буквы. Ты
Один из них.
И мой эпистолярый
Прочтешь едва ли.
Может быть
Потом.
Вернись живым.

И мы друг друга снова прочитаем
И перечтем.
Пусть память сохранит,
Как вырываясь из глубин гортани,
Как поцелуй, как легкое дыханье,
Живое слово нас соединит.

* * *

Ты полон злой решимости, отваги,
Ты пишешь их, а я пишу стихи
Тебе, традиционно на бумаге,
И письма, не e-mail, а от руки,
Забытое искусство древних магий –
Творить из рифм и ритмов
Новый мир.
Ты воссоздашь его из словосочетаний,
Из почерка, как кружевной узор,
La lettre ouvre le secret du coeur .

* * *

Жизнь, сделав поворот, меняет вектор,
Ты был филологом, поэтом,
А стал солдатом. Боевик
И террорист, как пишут СМИ,
Им в тон гудит Ахметка,
И мне на ум одна приходит мысль,
Что если ты стреляешь так же метко,
Как пишешь – будет в этом смысл.
Умолкла муза. Снова перестрелка.
И я пишу тебе: Держись.
Post scriptum. Обнимаю крепко.

* * *

Жизнь набело. Ее не перепишешь.
Людская кровь – не сок пунцовых вишен
И не чернила. Некого винить
Кроме себя. Храни тебя всевышний.
Мечтаю я: мы сядем ви-за-ви
И скажешь ты: «О нас напишут книжки.
И фильмы снимут, тоже может быть,
О том, как познают мальчишки
Кровавый жаркий вкус борьбы,
А девочки уже не понаслышке,
А наяву боль узнают любви».

* * *

Ты говоришь мне, что у вас спокойно,
И выстрелы пока что не слышны,
И умирать, наверное, не больно,
Ты говоришь, у вас там соловьи
И степь ковыльная колыхается, как море,
А я читаю хроники в сети:
Тот ранен, тот убит, тот похоронен.
И счастье, не успевшее войти
В мой дом, готово обернуться горем.
И я твержу любимые стихи:
«На свете счастья нет. А есть покой и воля».

ДИКИЕ МАКИ ДИКОГО ПОЛЯ

Дикие маки Дикого Поля
Брызгами в травах горят.
Вот она воля – трудная доля
Многих шахтерских ребят.

От террикона до террикона
Небо, дорога и степь.
Беркут усталый чистит на склоне
Перья, чтоб дальше лететь.

Память Донбасса – добрые люди,
Труdolюбивый народ -
Ехал когда-то в степь отовсюду,
Сеял, сажал огород.

Правдой рабочей спят терриконы:
Сколько угля на гора
Поднято снизу, сколько вагонов
Здесь проплывало вчера...

Сколько их было? Сколько им было?
Тем, кто спасая Донбасс,
Вышел из боя ангелокрылым,
Нас вдохновляя сейчас?

Скрасило солнце Лентой Победы
Степь, терриконы, село.
Беркут взлетел Новоросской легендой
В мир, где повержено зло.

ЛЮБВИ НЕ ХВАТАЕТ

Любви не хватает, всего лишь Любви!
Зимой не напомним о ней соловьи.
Где взять это чувство в метели, в мороз?
Войной норовит разрешиться вопрос.
Народ, разделенный на «свой» и «чужой»,
Стал огненной лавой, опасной толпой.
И вроде поправил дела компромисс,
Оружие спрятал в сугроб экстремист,
Но ненависть в сердце осталась бурлить,
Крещеную Русь, распиная, делить.
Любви не хватает, всего лишь Любви!
Зачинщика смуты врагом объявить.
А враг-то все тот же, распявший Христа,
В гордыни предавший когда-то Творца.
Спасибо вам, братство, спасибо, отцы,
Просторы объяли молитвой чтецы
О приумножении в мире Любви.
Для Господа все в этом мире «свои».

МИРУ- МИР!

Ну, что, ребята,
Структурой НАТО,
Раз «вас богато»,
Хотите стать?

Идет оплата,
За риск — награда,
Того и надо...
Чего скрывать?

А кто не с вами
(Вы даже рады), –
Враги и гады
И «москали»?

Героям – слава!? –
Вперед облавой,
На бой кровавый,
На «Беркут», «Пли!»?

Позор, ребята,
Стрелять по брату.
Давай обратно –
Страну спасти!

ТОЛЬКО ТАК!

Над землей нашей русской исконной
Вновь раскаркались все вороны,
Беспокоятся кони,
Всюду банды и стоны...
Это горе-война
Снова просится к нам —
Брат на брата идет воевать,
Но Господь не велит...
— Стоп, солдат!

Сколько можно нас брать на поруки?
Да любите же, люди, друг друга!
Врет продажный политик –
Вон, лукавый, изыди!
Не мешай людям жить,
Сеять, строить, любить.
Зла на сердце не нужно держать,
И вернется в наш дом благодать!

Мир лежит – на открытой ладони,
А ладоней вокруг – миллионы!
Держат мир наши руки,
Драгоценный и хрупкий.
На защиту его

Встаньте с Божьим крестом.
Не сжимайте ладони в кулак –
Только так победим, только так!

НУ, ЧТО ТЫ, ДЕВОЧКА...

Ну что ты, девочка, не плачь...
В одном строю мы – за Россию!
Бывало часто, эйфорию
Свергало сталью неудач,
Но... никогда, слышь, никогда
Мы не теряли нашу веру,
И верой были всем примером,
Освобождая города.

Ну что ты, милая, не плачь,
Я за тебя давно отплакал,
За каждый дюйм родного флага
Ревел, что Днепр в пыли задач.
Мы умирали за потом,
Чтоб к вам, потом, пришла Победа!
В слезах от счастья видеть деда
Тебе уже не довелось.

Ну плачь, раз плачется... Поплачь.
Не первый век ведется драка,
Готов я вновь идти в атаку,
Но... русский – брату не палач...
Не нужно нынче напролом.
В единстве духа наша сила.
Молись, чтоб Русь объединилась...
Держись за дедово крыло.

ОСТАНОВИСЬ, УКРАИНСКИЙ СОЛДАТ!

Остановись, украинский солдат!
Ты бьешь в Славянск – свое родное сердце!
По всем Семеновкам бьешь наугад
За то, что народили ополченцев.

По граду Счастья собственных детей
Ты бьешь из «Сушек», гаубиц и «Градов».
К чему тебе венец из их смертей?
Душе грядет по подвигам награда.

Не угодил тебе Донецкий брат,
Не угодил Донбасс Луганским духом.
И ты решил в Раевке сделать ад?
А в Металлисте землю вскинуть пухом?

А как же братьям после выживать?
Как нам простить друг друга после бойни?
Одна у нас на всех Святая Мать.
Не слышишь разве, Русь от горя стонет?

Остановись, украинский солдат!
Остановись, задумайся, не слушай
Колониально-РЕЙХовский набат,
Который мир меж братьями разрушил.

АВГУСТ 2014

Август. Утро. Пушки все умолкли.
Я проснулся, вроде бы живой.
И на рынок - слушать кривотолки,
Чтоб уйти расстроенным, домой.
Снова жуткий грохот. Чёрный дым.
Женский плач. Развалины и смрад.
Почему не умер молодым,
Чтоб не знать трагических утрат?
Цел мой дом? Пока ещё не знаю,
Только я совсем уже не цел,
Раз увидел горе через край я,
И судьбу страны через прицел.
Кто кого задумал победить?
Кто там «булавою» машет смело?
Кто кому не хочет уступить,
Страсти накаляя до предела?
Кто же тот, великий полководец,
Что заставил трижды за добу
Прятаться в заброшенный колодец
Или в водосточную трубу?
Чьи же руки, сеют святотатство,
Боль, войну, разруху и разброд?
Где же то «прославленное братство»?
Где же русский праведный народ?
Знайτε ж вы, кто в этом виноватый:
Впереди людской и божий суд.
Ждёт за то, что пушки и солдаты
Счастья никому не принесут.

* * *

Мой город дымится,
Сражённый напастью.
Заря, как волчица
С оскаленной пастью.

Ну, кто мог подумать –
Пойдёт брат на брата!?
Кому, толстосумы
Отвесили злата?
Над золотом колдуя,
Себя не обделят,
А землю родную
В золу перемелют.
А что им земля,
Хотя и родная?
И воет волчица,
Войну проклиная.
Разбитое логово
Пахнет бедою,
Творения богovy
Скулят под плитою.
Помочь невозможно,
Спасения нету!
На город безбожно
Наводят ракету.
Мой город дымится,
Сражённый напастью.
Заря, как волчица
С оскаленной пастью.

* * *

Мой дом, как пленный зверь,
Улёгся за оградой.
Побоище утихло,
Разрывы далеки.
Выглядываю в дверь,
Уже, пожалуй, надо,
Выскакиваю лихо,
Рассудку вопреки.
Куда упал мой взгляд?
Уж лучше бы не падал:
Снаряд метеоритным

Дождём своим посёк
Мой яблоневый сад,
Остался я без сада,
Но сердце говорит мне,
Что то, ещё не всё.
Пылает рядом хата
Сбежавшего соседа,
А чем он виноватый,
Покинувший свой дом?
А тем, что он когда-то,
За праздничным обедом,
Сказал витиевато,
Да, видно, не о том!
Лихие люди тащат,
Кто стул, кто сковородку,
(А всё равно сгорело бы!)
И нечего сказать,
А кто-то горько плачет
Над телом бездыханным,
Зароют в огороде,
Теперь «не до того»,
Крестом лишь обозначат
Могилку безымянную,
- Вот жил, товарищ, вроде,
И нет уже его...
Куда ж ты смотришь, Боже?
Кому решил оказывать
В немилосердном споре
Святое опекунство?
Неужто тем, кто может
Беспомощных наказывать,
Приумножая горе,
Злодейства и кощунства?!

Владимир Панченко

ШКОЛА ТЕРЯЕТ УЧЕНИКОВ

*Памяти погибшего на пороге школы
девятиклассника Дениса Глуценко*

...Ты рисовал анимешных героев
Сильных и ловких. И тут — вот такое...
В чёрном картина, и всем нелегко...
Где-то решили, что могут судьбой
Тысяч людей ради денег играть, —
Плач матерей и дрожащие пальцы
Тянутся к небу с последней мольбой...
Остановитесь! Кровь — не молоко,
Чтобы её разливать, не жалея.
Город теряет людей по аллеям,
Школа теряет учеников...

УБИЛИ ШКОЛУ, СЛОВНО ЧЕЛОВЕКА...

Убили школу, словно человека.
Ей было много — девяносто два,
Она себя лечила детским смехом,
Но всё равно кружилась голова,
Когда она под вечер, отдыхая
От детской беззаботной беготни,
Не помнила уже — какого мая
Звонок последний ставили они...
Когда они в последний раз играли
В футбол, Зарницу или КВН,
Экзамены со шпорами сдавали
И ждали, очень ждали перемен.
А сколько было их — считайте сами —
Прошедших от уроков до любви,
Они сюда входили малышами,
А выходили взрослыми людьми...
Но детская рука застыла с мелом —
Кто победит в бою добра и зла?
Фашизм немецкий школа одолела,
А современный — не пережила...

КОМУ ВОЙНА – КОМУ...

Жителям Украины – бывшим соотечественникам!

Вам так уютно жить столице,
Где нет бомбёжек и убийств,
Вы этим можете «гордиться»,
Ваш новый президент – фашист!
В вас не палят из миномётов,
Не жгут из установок «Град»,
И не бомбят из самолётов
Тех, кто восходу солнца рад!
Вам не понять границы горя!
Мы верим в мир, в добро, в любовь!
Рассудит нас потом история,
Кто проливал невинно кровь!
И почему в единой Украине
Вы нас пытаетесь убить?
Вы в этом с Западом едины,
Вам с нами очень трудно жить?
Что вы забыли на Донбассе,
Он не подвластен вам во всём!
Мы в вашей «чистокровной» расе
Должны быть выжжены огнём?
Вы нас спасаете сегодня?
Хочу спросить вас, от кого?
Или теперь в Европе модно
Народ стрелять свой, как врагов?
Мы вас спасали от разрухи,
От наводнений и от бед
Вы ждали нас и наши руки
И мы вам не сказали: «Нет!»
Мы отдавали всё, что было,
Мы были братьями для вас!
И вот эпоха наступила –
Вы истребить хотите нас!

Вы зря затеяли всё это,
Нам мир дороже, чем война!
Вы ненавистью обогреты,
Теперь вам наша кровь нужна!
Тогда молитесь о спасении
Всех тех мужчин, кто дорог вам!
Не больше к «братьям» снисхождения,
Кто был когда-то братом нам!

ЛУГАНСК МОЙ ГОРОД И СУДЬБА МОЯ!

Когда Луганск попал в кольцо блокады
И жизнь его была на волоске,
Когда бомбили нас и накрывали «Градом» -
Бежали люди из Луганска налегке!

А я в Луганске «пересиживал» войну
Здесь мама старенькая, я её опора!
Не ставлю бегство никому в вину,
Но здесь мой дом и мой любимый город!

Я вырос в нём, мужал, вырослел,
Я отдал ему годы молодые,
Работал, строил, делал, что умел,
Здесь опыт приобрёл и волосы седые!

Луганск – мой город и судьба моя!
Судьбу нельзя бросать, в ней сомневаться!
Она нуждается в тебе, она твоя,
Она с тобой должна единой оставаться!

Луганск всегда был гордым и свободным
И принципам своим не изменял,
Он жил без света, без воды, полуголодным,
Но победить себя не позволял!

Он мой источник основного вдохновения,
Мне без него уже нельзя никак!
В нём моё будущее и моё стремление –
Прогнать из нашей жизни боль и мрак!

Свобода тяжело нам достаётся –
Ценою наших лучших сыновей!
Луганску быть свободным, он добьётся
И доживёт до самых светлых дней!

Он станет ещё лучше и прекрасней,
А мы ему поможем стать таким!
Мы обязательно построим наше счастье
В стране, что возродится вместе с ним!

МЫ ЛУГАНЧАНЕ!

Город замер. К нему подступают враги.
Мы еще не такое встречали!
Несмотря ни на что и всему вопреки
Будем помнить, что мы – Луганчане!

Мы такими на нашей земле рождены,
Нас не сломит нацистская стая!
Наша воля тверда, мы Отчизны сыны
Из степного шахтерского края!

Было... Мрак опустился, подонков не счесть...
Мы не стали скакать на майдане,
За подачки не продали гордость и честь,
Потому, что мы все Луганчане!

Враг жесток и идет, не считая потерь.
Испытания нас не сломили!
В нашей памяти – стойкость бойцов ДКР,
Оборона на Острой Могиле!*

Несмотря ни на что и всему вопреки
Город жив и отвагой пронизан!
На минувшей войне в плен не брали враги
Луганчан из шахтерских дивизий!

Город выстоит, зори победы близки!
Всё отстроим – не время печали!
Несмотря ни на что и всему вопреки
Будем помнить, что мы – Луганчане!

СКВОЗЬ ПРИЦЕЛ. ДВА ВЗГЛЯДА.

Жестоких схваток не боясь,
Ни даже гибели,
К нам добровольцем на Донбасс
Девчонка прибыла.

Девчонка, девочка еще,
Лишь двадцать с лишним,
Но автомат через плечо,
Комбез... Как вышло?

В кровавом мессиве Донбасс,
Враги неистовы!
Идет бандеровская мразь,
Чума нацистская!

Фашисты прут - держись, не трусь!
К чему вопросы?
Достоинно постоять за Русь,
За Новороссию!

Чтоб той судьбы вовек не знать
С ее кошмарами,
Чтоб миру вновь не заплыть
Бабьими Ярами!

И пусть не подведет рука!
Война кровавая –
Напротив острый взгляд врага
Под балаклавую.

Врага пронзительны глаза...
Такой же девочки!
Лишь пару месяцев назад
Еще студенточки.

Что на Майдан пришла стоять
Под зимней стужею,
Не зная, что придется взять
Еще оружие:

Нельзя соратников предать –
Ты с Украиною!
И террористам не порвать
Страну единую!

.....
Лишь только ненависть в лице
И нет испуга!
Девчонки смотрят сквозь прицел
В глаза друг друга...

ЭХО ВОЙНЫ НА ДОНБАССЕ

Сидела собака

на остановке,

С челюстью срезанной

шалым осколком.

Бедняга, досталось

и ей на войне...

А кот мой, любимец...

его уже нет.

Контузило, так же вот,

челюсть снесло.

Пыталась лечить всем

прогнозам назло...

...Как будто кручу

киноленту назад:

Бомбежки, пожары,

безумие, ад...

Нам долго аукаться

будет война,

Когда же опомнится

наша страна

МОЛИЛИСЬ ДВЕ ЖЕНЩИНЫ...

Молились две женщины, в храме Луганском
Под звуки разрывов, беду предвещавших,
Молились с усердьем души христианской,
Дрожали от боли, сердца истерзавшей.

Молились о детях, до душ исступления,
Одна – за того, что пошел с автоматом
Стрелять в Станичанские, мирные хаты,
Другая – за сына, что встал в ополчение.

Две матери в горькой тревоге едины.
Молились взахлёб, Пресвятой Богородице,
Чтоб пуля ЕЁ пощадила бы сына,
И колокол им отзывался на звоннице

Но пуля ведь дура – молитв не послушала!
Две в горе едином застывшие женщины...
Так правит война, как игрушками, душами!
Их судьбы теперь неминуемо скрещены...

Да сгинет война, эта гостья проклятая,
Что к нам ворвалась так незвано-непрошено!
Хотим, чтобы матери наши не плакали,
Пусть ждёт наших мальчиков доля хорошая!

СПАСИБО

Моя Луганская земля
Почти забыла рев снарядов.
Звенели колосом поля
И зрели кисти винограда...

Но у врага на сердце зрел
Злой ярости побег жестокий,
И враг глядел через прицел
На мой рассвет зеленоокий!

В погожий предрассветный час
Любви прекрасна безмятежность,
Но с воем разорвал фугас
Мечту, надежду, радость, нежность...

И парни, сына приобняв,
Поцеловав любимой руки
И автомат покрепче сжав,
Шагнули за черту разлуки!

И небо заслонив собой
На берегу родной Лугани,
Ребята шли в неравный бой,
Как в сорок первом, как в Афгане!

Спасибо всей моей стране
И этим воинам-мальчишкам,
За то, что внук мой о войне
Узнает только лишь по книжкам!

* * *

Я разлюбила теперь черный цвет.
Не потому, что в осеннее утро
Мокрого клёна чернит силуэт
Светлую нежность небес перламутра,

Не потому, что так короток день,
Светлой пылинкою, падая в вечность,
И всемогущая черная тень
Солнце ввергает в свою бесконечность,

Не потому, что вода так черна,
В стылую дрёму до лета впадая,
А потому, что взревела война,
Черную смерть в города посылая,

А потому, что застыли дома,
К небу вздымая горелые стены,
И опаленная ужасом тьма
Немо вызывает к просторам вселенной

Крикнуть безумцам стогласое, «нет!»,
Сбросить с земли эти черные сети!
Я разлюбила теперь черный цвет,
И ничего не поделаешь с этим!

ЛУГАНСКОЕ СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ

Пью молоко – божественный напиток!
Рука еще слаба после болезни,
Но мой стакан как драгоценный слиток
А в нём – бальзам, что всех лекарств полезней.

Кому-то не понять, что это значит –
Пить молоко, обычное, простое,
В моём краю, израненном войною,
Где не сгоревший клочок травы – удача!

Пью молоко, его смакуя долго,
И слушаю историю девчонки,
Что исцелившая меня бурёнка
Под сердцем носит два шальных осколка...

Пью молоко, глаза невольно пряча,
И так хочу всем сердцем и душою,
Чтоб вам вовек не знать, что это значит –
Вкус молока, приправленный войною.

* * *

О, пустота растраченного дня....
Палящей бездной догорает лето...
И на вопрос проклятый нет ответа,
Ведь все сжигает подлая война.
И как найти нам путь среди огня?
Как вырваться из замкнутого круга?
Как дотянуться до руки друг друга.
Из пепла возродить самих себя.
А звездопады чертят свой полет.
И вертят мира вогнутую чашу.
И вновь приходит призрачный рассвет,
А над закатом кто-то тихо плачет

* * *

Пух летит над простреленным маем,
Круговерть по весне снегопада.
То, что будет, пока мы не знаем
Только сверху решили: так надо...
Чтобы этот негаданный вечер
Спрессовал и пространство, и время,
Чтоб снаряд, прилетевший навстречу
Все законы презрел тяготенья!
И парим над проблемами буден,
Две большие, влюбленные птицы.
Мы к земле возвращаться не будем...
Нам уже не дано возвратиться...

* * *

Пушки бьют, как шаманы в бубен
Возвещая кому-то смерть...
Мы по-прежнему жить не будем,
Ведь прожорливая круговерть
Разметала по разным странам,
Городам и чужим углам...
Пушки бьют. Но уже не странно,
То, что выжили, то, что нам
На пределе земного срока
Удастся его продлить...
До победы, что недалеко
Не прервется земная нить!

Украина – родина слонов.

*Бойтесь данайцев, дары приносящих!
(Украинская народная мудрость)*

Табуны коней данайских
Разбрелись по всей стране,
Галопируют, как зайцы,
Топят истину в вине...

Как история учила
Пару тысяч лет подряд?
Где данайцы – там могила...
Пусть троянцы подтвердят.

Но уроки те, похоже,
Игнорирует наш брат...
И опять данайцев рожи
Из коней стальных торчат!

ЗАПОЗДАЛЫЙ РЕПОРТАЖ

Эти заметки надо было не только регулярно писать, но и публиковать по мере создания, тогда это был бы настоящий репортаж с места событий. Но, поскольку связи с внешним миром не было, это было невозможно. А сегодня, пожалуй, эти записки потянут не более чем на скромные мемуары... Короткие, разрозненные заметки очевидца могут только помочь восстановить ту атмосферу, в которой существовал осажденный город.

Собака воеет или мина?

– Первый обстрел, это не столько страшно, сколько как-то стремно (иного слова, уж извините, подобрать не могу). Расстояние до разрывов определять еще не научились, бахает громко, а где – не понять. Слышишь взрыв и понимаешь, что это еще не в тебя, но кто знает, когда дуло повернут на какое-то количество градусов... И осознаешь, что все равно в кого-то сейчас попали и вроде как стыдно, что ты пока в безопасности.

– Обстреливают каждую ночь. Как-то лег спать – не стреляют. Не могу заснуть...

– После гаубиц, «Градов» и минометов автоматные очереди для слуха как музыка.

– Шандарахнуло так, что собаки перестали гавкать. Задумались о смысле жизни...

– Нет света. Нет Интернета. Нет телевизора. Скучно... Новости узнать неоткуда. Стихи в голову не лезут. Доделал несколько старых заготовок. Делать нечего. Дай, думаю, подберу к своим стихам хоть какую-нибудь мелодию. Кое-что насочинял, уложив в традиционные три с половиной аккорда. Что-то даже понравилось. Когда-то Жванецкий отрекомендовал Розенбаума как «поющего композитора», по аналогии буду теперь представляться как «поющий поэт», может быть, сильно бить не станут.

– Пальба не страшна, к ней можно привыкнуть. Хуже другое – полная неизвестность. Никакой информации о том, что где происходит.

– Украина неминуемо приближается к своему краху. И с каждым днем все стремительнее. Вопрос только в том, сколько еще жизней будет принесено в жертву этим конвульсиям...

– И опять неизвестность. Днем в городе отключили последнее достижение цивилизации – газ. Поди знай – то ли дадут к вечеру, то ли будет как со светом, которого нет уже вторую неделю. Поразило спокойствие, с которым бабушки обсуждали необходимость сооружения во дворе летней печки. В частном доме всегда найдется какой-нибудь хлам, который поможет перебиться в любой ситуации, а как быть людям, обитающим в многоэтажках? Забегая вперед, скажу, что

сооружение «походных» печек не понадобилось — газ дали через два-три часа и, кстати, удивительно, но это был единственный вид коммунальных услуг, которым город снабжался бесперебойно!

– Еженощная перестрелка над городом. Создается впечатление, что два невидимых великана устраивают дуэль на минометах. Причем вслепую. Какой-то тактики, тем более стратегии, усмотреть не могу. Хотя не специалист... Вот бахнуло с одной стороны, вот шандарахнуло с другой. Рушится инфраструктура и жилье, гибнут мирные жители, поскольку прицельность миномета весьма далека от оптики снайперской винтовки. Когда треск разрыва раздастся неподалеку, никак не угадаешь, куда упадет следующая мина (кстати, о ее осколки можно порезаться...). Не понимаю! Кто объяснит?

– Ночью при обстреле возникает какой-то страусиный эффект. Кажется, что если потушишь свет, то ты в безопасности...

– Условия существования без электричества, кажется, заставляют жить на ощупь даже днем, а информационный вакуум накрывает с головой – сущая пытка для любого человека, привыкшего постоянно находиться в гуще разнообразных событий! Тут уже не до массовых телешоу – хотя бы узнать, что происходит за пределами территории, очерченной разрывами мин и снарядов. Не работает мобильная и городская связь, естественно, нет возможности связаться с друзьями или просто знакомыми и, хотя бы, дать знать, что ты еще жив. Ведь совсем недавно звонили из разных стран с тревогой за тебя, представляю, что они сейчас думают...

– Случайно, попав на дальнюю окраину города, обнаружил работающий маленький газетный магазинчик! Символично, что он был единственным, открытым в ряду продуктовых и прочих лавочек. Правда, пресса оказалась

месячной «свежести», зато, сколько было радости, когда в этой макулатуре удалось откопать пару сборников моих любимых кроссвордов «Судоку», да еще напечатанных крупным шрифтом! Их решение — отличная возможность скоротать время до сна (ложиться рано еще не привык), а читать книжки при свечке или фонаре с моим зрением — утомительное занятие.

– Оказывается, сколько появляется свободного времени, когда нет Интернета! И это при том, что к различным компьютерным игрушкам отношусь резко отрицательно – в сетях занимаюсь только делами и немного общаюсь с друзьями. Зато, от нечего делать, наводя порядок в одном из загашников, обнаружил почти «антикварный» транзистор – радости не было предела! К чему это я? Да к тому, что в советские времена не было засилья FM-радиостанций, на которые рассчитаны современные приемники, а здесь такая роскошь – длинные волны и два диапазона коротких! Одна беда – он рассчитан на девять вольт, т.е. на батарейку «Крона»... Пришлось приложить определенные усилия, для того, чтобы откопать эту модель электропитания на центральном рынке (худо-бедно, но он еще работает). Зато теперь в моем доме раздаются незнакомые голоса. И неважно, что большей частью звучит китайская, арабская или французская речь – удалось поймать и родную, вещавшую о последних событиях. Кое-что стало понятней. А как, оказывается, приятно услышать, что где-то есть еще люди, живущие в нормальных условиях.

– Нет электричества, нет и воды. Меня всегда интересовало – а как люди в крупных осажденных городах, привыкшие к ее доставке прямо в квартиру, находят способ добыть влагу, без которой и жизнь-то невозможна? Теперь мне самому есть чем поделиться. Во-первых, в спальные районы воду доставляют те самые водовозки, которые возили ее для продажи, только теперь раздают бесплатно. Во-вторых,

оказалось, что в частном секторе многие обзавелись собственными скважинами с электронасосами. Но, поскольку электричества нет, кто посостоятельнее, прикупили генераторы. Естественно, никто не отказывает соседям или любым другим нуждающимся. Я сам наблюдал, как один из таких частников вывел шланг на улицу и к нему потянулись люди с разнообразной тарой. В-третьих, водозаборные станции оборудовали генераторами, которые, конечно, не потянут закачку воды в многоэтажку, но, опять же, любой желающий может подойти в указанное время к такой импровизированной колонке. Обнаружились и родники, бьющие прямо в городе. Так что как-то выживаем.

– Ночью где-то рядом раздался такой тарарах, что я подскочил с мыслью: «Ну, опять началось! Пора бежать в окопчик...» К счастью, этот залп оказался почему-то единственным. Но, поскольку уже оказался на кухне, машинально подошел к водопроводному крану. Первые дни без воды я его крутил, как минимум, каждый час, потом привык и несколько дней вообще не трогал. А тут как-то машинально крутнул и произошло чудо! Кран вначале как-то странно хрюкнул, потом прокашлялся и выдал струйку мутной воды! Толщиной с карандаш, но довольно уверенную, течет уже сутки. На следующий день узнал, что в некоторых районах города это чудо тоже произошло.

– Кстати, стоит объяснить, что собой себя представляет мой «окопчик», в котором приходится прятаться от снарядов. Не хотелось бы, чтобы мой опыт кому-нибудь пригодился, тем не менее, поделиться им надо. Многие, в том числе и некоторые мои друзья, устроили убежище от обстрелов в подвалах своих частных домов. Я пытался им объяснить, что там можно с гарантией спастись только от осколков. Ну а (не дай бог, конечно) если пострадает сам дом и он завалит вход в подвал? И найдут там тебя археологи лет этак через триста. А на такой срок, естественно, никаких припасов и консерваций не

хватит... Я сделал иначе. Во дворе возле крыльца у меня расположен водопроводный колодец, обложенный кирпичом и сооруженный еще по советским стандартам. Вот там-то я и оборудовал убежище, в котором, в случае чего можно безопасно пересидеть. А еще сложил в старую сумку деньги и документы, все это лежит в коридоре и легко захватывается с собой. Там же и кое-какая одежда, поскольку иногда прятаться приходится ночами, а они становятся все холоднее.

– Прошел слух, что на другом конце города каким-то непонятным образом работает мобильная связь. Уже давно родные и друзья, находящиеся далеко, не имеют ни малейшего понятия, что со мной происходит. Решили с другом поехать проверить, да и просто давно никуда не выбирались. Как-то не очень тянет на прогулку, когда не знаешь, за каким углом тебе что-нибудь упадет на голову... Я и раньше не очень верил в то, что город покинут жителями и буквально вымер, остались только террористы, больные и немощные, как вещают некоторые средства массовой информации.

И еще – давно я не выезжал так рано... Короче говоря, ощутил всю «прелесть» былой давки в час пик! «Террористов» набилось под крышу, кто ехал на центральный рынок, который расположен по дороге, кто по другим делам. Доехав до конечной, убедился, что чудеса еще не закончились, связь и в самом деле была. Несколько сотен людей со всего города, собравшись на небольшом пятачке, счастливо докладывали близким, что с ними все в порядке. Конечно, в виду загруженности сети везло не всем, некоторые безрезультатно нажимали на кнопки минут по сорок. Правда, мне удалось только послать СМС, но и на том спасибо...

– Узнал, что оставшимся в городе пенсионерам выдают гуманитарную помощь продуктами. Мероприятие весьма своевременное, если учесть, что пенсии им пока не светят, а цены не только на рынках, но и в магазинах увеличились весьма существенно... Удалось выяснить, что в состав

продуктового набора входит пара килограммов сахара, столько же гречки или риса, плюс литр подсолнечного масла и что-то еще. При этом никаких формальностей, достаточно предъявить пенсионное удостоверение. Для живших на весьма скромную пенсию это уже-кое что. Пока только неизвестно, как часто такой набор можно будет получить.

– Не успел закончиться ажиотаж с пенсионерами, как выяснилось, что отоваривать будут всех наличных жителей города. Так и получилось, только к перечисленным продуктам добавилась тушенка и рыбные консервы. И тоже без особых формальностей, достаточно наличие паспорта с местной пропиской. При этом даже не бралось во внимание, что я, например, могу быть прописан по одному адресу, а жить в другом месте – получали по месту жительства. Это правильно, потому что многие по разным причинам жили не по прописке. То ли караулили чужие, оставленные на их попечение квартиры, то ли жили у больных родственников, ухаживая за ними, то ли их дома разбомбили и т.п., а передвигаться по городу достаточно опасно. Помню, как с товарищем стоим на остановке, ждем маршрутку, а на соседней улице рвутся мины. И ехать всего ничего, расстояние в пару остановок всегда прохожу пешком, а тут идти как-то боязно, уж лучше сесть и быстрее оказаться подальше от этого места. Плюс, еще оказавшись в салоне, ощущаешь иллюзию безопасности, вроде эта тонкая железка может тебя спасти от осколков. Конечно, нет, я видел, как они легко пробивали сталь толщиной более десяти миллиметров. Тем не менее, крыша над головой успокаивает

– Вспомнил старый туристский опыт – соорудил «вечную» свечку с фитилем из стекловолокна. Расплавил в банке остатки стеарина, вставил фитиль, теперь есть возможность вычислять sudoku даже ночью. Правда, такой фитиль горит неровно, да и вообще штука капризная – надо постоянно поддерживать определенный уровень стеарина.

Приходится подбрасывать остатки от свечек или настроганный из куска парафин, неизвестно откуда появившийся в доме. Я это называю – подбрасывать дровишки. Кстати, сейчас пишу именно при таком «освещении», если это можно так назвать. Уже режет глаза, а с каждым днем темнеет все раньше. Когда еще доберусь до своего компьютера...

– Этой ночью не было пальбы. Ни одного выстрела. Но опять же – информационная блокада: что бы это значило? Кто-то кого-то победил? Кто кого? Или просто кончились снаряды? Тогда наутро подвезут и отыграются за «вынужденный простой»... И опять будет страдать город и его оставшиеся обитатели. Я даже перестал запира́ть на ночь двери, чтобы успеть запрыгнуть в свой окопчик.

– Среди населения поуменьшилось хамства. Люди поняли, что сейчас не время сражаться за место в очереди или локтями отвоевывать пространство в маршрутке. У меня не было основания считать жителей Донбасса особенно вежливыми людьми, но тут их словно подменили. Хотя, скорее всего, хамье и здесь оказалось в первых рядах покидавших город, расталкивая более слабых. Видимо, и денег у них было побольше, чем у бабулек-пенсионерок. Возросла и простота общения – все оставшиеся стали уже как бы своими. Незнакомый человек может подойти и рассказать, где поблизости можно набрать воды или что необходимое для жизни в осаде продают за углом.

– Что интересно – цены, еще недавно достаточно сильно подскочившие, начинают потихоньку падать. Денег у населения становится все меньше, нет работы – нет и заработка, а пенсионерам перестали выдавать пенсию. Киев мотивирует это тем, что нет возможности доставить деньги.

– Прекрасно помнятся первые залпы, первые взрывы. Когда же будет последний?

– Несмотря на обстрелы, в городе работают коммунальные службы. Наблюдал, как мусоровозы опустошают баки возле многоэтажек. Куда вывозят мусор, не знаю, зато по такой жаре, да еще при дефиците воды не будет распространяться всякая зараза. А на центральной улице газонокосильщик подстригает отросшую без должного ухода траву. Должен сказать, что эта, вполне обыденная некогда процедура, внушает оптимизм...

– Оказывается, когда засыпаешь под канонаду, даже снятся «боевые». Цветные, с хорошо проработанным сценарием, с прекрасной натурой и боевыми эпизодами. Прямо хоть просыпайся и кино снимай! Бондарчук бы обзавидовался...

– Оказывается, как приятно, когда первые петухи заглушают звук затихающей канонады!

– Насколько человек может привыкнуть к, казалось бы, самому противоестественному – к войне! В самом начале обстрелов, даже если стреляли где-то далеко, народ кидался врассыпную, прятался кто где мог... Сегодня ухо уже настолько привыкло различать степень опасности, что при разрывах люди на улице не прекращают разговора, даже над чем-то смеются. В спальных районах можно заметить достаточно уже «теплую» компанию, не прерывающую застольных песнопений.

– Ночью почему-то вспомнились два самых неприятных обстрела, под которые я попадал. Возможно, потому, что второй случился прошлым днем, вот и навеяло... Самый же первый был, когда город только начали обстреливать, и это продолжалось целый день. А на вечер у меня был назначен телемост в ютубе с Германией. Бывшее антисоветское издательство «Посев» теперь (поскольку бороться больше не с

кем) занимается культурно-просветительской деятельностью. Приглашали еще весной выступить во Франкфурте с творческими вечерами, а заодно рассказать о ситуации в Донбассе, но их правительство не посчитало возможным допустить такое безобразие и визу не открыли — как раз только началась карательная операция. Тогда я и предложил руководству «Посева» связаться с помощью Интернета – назло всем наивным посольским чиновникам, которые думают, что таким образом можно не допустить распространение правды в их стране... Должны были присутствовать немцы и наши соотечественники, уже давно перебравшиеся в Германию. Теоретически я рассчитывал провести встречу из дома (интернет еще работал), а практически компьютер забарахлил, и пришлось идти пешком к приятелю (транспорт из-за обстрела не ходил) через половину города. И весь мой переход сопровождался еще непривычными залпами и взрывами. Но, поскольку я мишень достаточно мелкая, в меня не попали. Может, и не стоило так рисковать, но уж больно не хотелось подводить людей, которые за тысячи километров отсюда уже собрались в ожидании вестей из Донбасса, да еще из первых рук. Не пожалел – встреча получилась интересная, были и наши эмигранты разных возрастов, и немцы с переводчиком.

– Второй случай, как я уже сказал, произошел вчера. Парой дней раньше мы с другом узнали, что одна из узловых железнодорожных станций и небольшой поселок при ней, расположенные в нескольких десятках километров, живут обычной жизнью. Самое главное, что нас привлекло, это работающие магазины. Не могу сказать, что есть в городе было нечего, продавались овощи, хлеб, крупы и т.п., так что с голоду не умирали. Правда, цены были... И еще отсутствовали сигареты, которые интересовали больше всего, да и хотелось чего-нибудь вроде сыра или колбасы, которых у нас давно не было. Из-за отсутствия электричества в магазинах не работали холодильники, поэтому такая деликатная продукция просто не производилась или не завозилась. Поехали, и наши надежды

вполне оправдались, удалось даже побаловаться холодным пивом, отсутствие которого в жару ощущалось особенно остро. Мы так бы и уехали, будучи уверенными, что провинциальная идиллия для здешних мест явление нормальное, если бы наш поезд не пришел с опозданием на два часа. И именно перед его прибытием начался минометный обстрел. Мины пролетали прямо над вокзалом, разок даже пришлось залечь. К счастью, разрывались они далеко. Зато когда подали вагоны, я никогда не видел такой быстрой посадки...

– Оказывается, самые страшные — первые и последние обстрелы и взрывы. Первые, понятно — еще не понимаешь, кто стреляет, куда и когда «это» прилетит к тебе. А последние... Уже видишь, что где-то замаячил просвет, близится развязка, вроде бы самое страшное позади. Именно поэтому не хочется на финише попасть под раздачу. В такой ситуации даже самые отдаленные, как бы «игрушечные» взрывы остро воспринимаешь как первые...

Послесловие

На улице перемирие... Какое по счету? Что будет завтра? «А завтра будет День...», — что-то ярко вспыхнуло в моей душе.

Город восстанавливается. Упорно возрождается. Он сильный. И мы тоже. Мы снова собираемся на литературные встречи. Мы теперь меньше говорим. Только читаем стихи. И каждый раз даем себе слово больше не писать о войне. Только, о любви, матери, красоте земной...

Но нам еще больно... и по-прежнему рвутся из души стихи, пахнущие дымом, раскрашенные жутким пламенем взрывов, звенящие болью и страхом маленьких детей, без времени легших в землю...

Будет небо, каждую зиму, бинтовать раненую землю Луганска, снежным покрывалом. А летом будут расти те же алые розы, но уже с другой, горькой памятью...

Нам уже никогда не вытравить то, что пережили. И, мы будем повторять слова наших отцов и дедов: «Лишь бы не бомбили»...

Может мы, успокоившись, начнем писать стихи, более сильные, более талантливые. Но, уже никогда не напишем так, как писали под снарядами... никогда. Мы, просто, будем дальше жить...

....Однажды закончится война. Пройдет время, и заживут раны. И будут новые стихи об этой войне. Как отражение, как отзвук давней боли. Вероятно, стихи эти будут более отточенными, более яркими, более правильными.... Но они будут, только эхом прошедшей войны. И только в этих стихах, написанных под снарядами, где каждая строчка, могла оказаться последней: - навсегда притаилась война...

- Счастья вам люди! Во все времена! Всегда! А мы...мы научимся писать о любви, весне и счастье!

А эти стихи... пусть читают. Истина между строчками. О том, что не должно повториться.

ОСАДА

Луганск-2014

стихи блокадных поэтов

Составитель: Любава

Член Международного Союза Писателей

«Новый Современник»

Редактор: Сергей Зарвовский

Председатель Луганского отделения Межрегионального
Союза писателей

Фото Сергея и Виктора Зарвовских

Обложка Антона Сухорукова

Контакты составителя Lubava-Santana@yandex.ru